

Макаренко Мария Юрьевна

доктор исторических наук,
профессор кафедры новейшей отечественной
истории
Кубанского государственного университета

Иванова Эльвира Николаевна

аспирант факультета истории, социологии
и международных отношений
Кубанского государственного университета

ИСТОРИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО КAVKAZA (1920-Е ГГ.)

Аннотация:

В работе проведен анализ основных компонентов демографической динамики периода. Определены особенности влияния исторического процесса на трансформацию региональной модели воспроизводства, выявлена специфика развития демографического перехода на Северном Кавказе.

Ключевые слова:

перепись, модернизация, традиции, демография, брак, рождаемость, смертность, гендерная диспропорция, естественный прирост, демографический переход.

Makarenko Maria Yuryevna

D.Phil. in History,
Professor, Department
for Contemporary History of Russia,
Kuban State University

Ivanova Elvira Nikolayevna

PhD student, History, Social Science
and International Relations Department,
Kuban State University

THE HISTORY OF DEMOGRAPHIC MODERNIZATION OF THE NORTH CAUCASUS (THE 1920-S)

Summary:

The article analyzes the main components of the population dynamics in the North Caucasus in the 1920-s. The authors define the features of the historical process influence on the transformation of the regional model of reproduction. The specificity of demographic transition development in the North Caucasus is discussed.

Keywords:

census, modernization, tradition, demography, marriage, fertility, mortality, gender disproportion, natural increase, demographic transition.

Под модернизацией понимается эндогенно-экзогенный процесс взаимодействия традиций и новаций при переходе к современному обществу (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций), конфигурация и степень проявления которых зависит от контекста [1].

В отечественной историографии нет единого мнения о начале трансформации российского социума. Подводя итоги и ставя в основание модернизации индустриализацию, академик РАН В.В. Алексеев называет три альтернативных «точки отсчета»: пореформенная (60–80-е гг. XIX в.), вторая связана с именем С.Ю. Витте (конец XIX – начало XX вв.), третья – сталинская (30-е гг. XX в.).

Универсальность концепции модернизационного перехода позволяет использовать ее для анализа развития регионов. На наш взгляд, применительно к ситуации на Северном Кавказе наиболее приемлемым началом демографического перехода следует считать 1920-е гг. На протяжении 20-х гг. XX в. изменялся мобилизационный потенциал демографической политики. Активно и небезуспешно (особенно – в 1923–1926 гг.) проводятся мероприятия медико-санитарной направленности [2]. После октября 1917 г. на смену христианско-патриархальной традиции семейной жизни приходят новые принципы ее организации. Некоторые городские слои (в частности комсомольская молодежь) с готовностью восприняли «прогрессивные» социальные ценности: в их среде красные крестины, октябрины и свадьбы «без попа» быстро (скорость свидетельствует – некоторые социальные институты, стереотипы поведения и нормы, например пожизненный брак, отжили свой век) становятся распространенным явлением. Иным по отношению к большинству нововведений было отношение крестьян (и среди титульных этносов, и славянского населения) Северного Кавказа. В середине 1920-х гг. казачество сохраняет не только черты, характеризующие социально-экономический облик, но и особенности протекания демографических процессов. Между тем набирала обороты обозначившаяся в конце XIX в. тенденция демографического «растворения» казачества в общей массе сельского населения Северного Кавказа: происходит нивелирование особенностей репродуктивного и матримониального поведения [3].

В первой половине 1920-х гг. миграционный поток выступал фактором оптимизации демографической ситуации, «выравнивая» гендерные диспропорции славянского населения, сложив-

шиеся в результате полосы войн и лет социальной напряженности. Половая структура менее призывных этносов осталась практически неизменной. На протяжении межпереписного периода (январь 1897 – декабрь 1926 гг.) диверсификация иммиграционных направлений стала более выраженной [4]. В орбиту регионов-доноров вовлекались новые – все более отдаленные территории. Несмотря на активное миграционное пополнение, «демографическое эхо» потрясений 1914–1922 гг. проявилось в гендерной и возрастной картине, представленной в материалах 1926 г. Традиционная проблема Северного Кавказа (недостаток женщин) сменилась их перевесом. Развитие демографического перехода доказывают особенности динамики основных составляющих естественного движения – брачности, рождаемости, смертности. Начинается утверждение экономического типа воспроизводства у славянского населения.

Первые послеоктябрьские годы – время активных «топонимических» репрессий. Новое название и часто статус аула присваивались станицам и хуторам, если их коренное население высылалось. Власть устраняла и «специфически монархические» топонимы (наиболее известный факт – изменение названия «столицы» Кубани: Екатеринодар становится Краснодаром). На протяжении первой половины 1920-х гг. идеологические, политические причины административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе постепенно заменялись хозяйственно-экономическими. К середине десятилетия намечается возвращение (именно возвращение, так как необходимость учета «обстановки природы» при выяснении экономических потенциалов территорий отмечалась еще в трудах Ф.А. Щербины) к пониманию того, что экономическая конъюнктура, а, следовательно, и логика АД региона во многом определяется естественно-географическим фоном. Построенная на их основании окружная система оказалась наиболее живучим вариантом советского АД в рассматриваемый период, просуществовав (с небольшими изменениями) до середины 1930-х гг. Десятилетний период выглядит солидным на фоне интенсивных преобразований начала 1920-х гг. И главное – создается прецедент объединения практически всех территорий Северного Кавказа в рамках одной административно-территориальной общности, своеобразная поддержка Северо-Кавказского экономического района [5].

На протяжении первой трети XX в. в регионе происходил не только бурный количественный рост (население городов увеличилось почти на 130 %, сельское – менее чем на 50 %) городского населения. Оно изменялось качественно. Все больше горожан постепенно уходит от традиционного аграрного характера труда и образа жизни [6]. К середине 1920-х гг. в городах в сельскохозяйственном производстве занято лишь несколько процентов населения.

Город показал себя оплотом прогресса, провозвестником нового в обществе. Проявилась способность горожан легче поддаваться инновациям, большая открытость горожан внешнему миру. Городская семья выступила авангардом социально-демографической модернизации. Репродуктивное и матримониальное поведение жителей Таганрога, Ростова, Ставрополя, Краснодара, Новороссийска переставало быть воспроизведением передающихся из поколения в поколение норм. Вступление в брак, формы брачных союзов, развод, решение обзавестись детьми, число их, сроки рождаемости постепенно становились результатом сознательного выбора. Перспективы формирования сложных урбанизационных структур XXI в. закладываются в 1920-е гг.: города Северного Кавказа получили импульс формирования полифункциональности, базирующейся на индустриальных отраслях производства и начинающемся интенсивном формировании курортной отрасли [7].

Предпереходное состояние воспроизводства характеризовалось очень высоким уровнем смертности, прежде всего младенческой – около трети родившихся не доживали до года; примерно половина – до репродуктивного возраста. Региональная статистика подтверждает данные суждения, сделанные А. Вишневым на основе материалов, собранных в центральных губерниях страны [8]. Несмотря на это, естественный прирост в большинстве регионов Северного Кавказа опережал среднероссийский показатель. Причина – высокий относительный вес репродуктивных возрастных групп в составе населения, сложившийся в результате активного миграционного пополнения, и магистральная пронаталистская установка преимущественно аграрного социума.

Перепись 1926 г. зафиксировала тот этап в жизни региона, когда восстановление нарушенного войнами и голодом народного хозяйства приблизилось к завершению. В 1925 г. размеры посевов составили примерно $\frac{3}{4}$ довоенной площади. Интенсификация сельскохозяйственного производства в сочетании с удачным природным годовым фоном стали причиной того, что стоимость урожая 1925–1926 гг. составила 90 % довоенной продукции [9].

Несмотря на активное иммиграционное пополнение населения Северного Кавказа, половозрастная структура, зафиксированная переписью, еще достаточно четко отражала последствия относительно недавних катаклизмов: войн, голода, эпидемий. Продолжение после Октября 1917 г. «чеховской» линии жизнеохранительного поведения (бережное отношение к жизни) свидетельствовало о возвращении (после периода социально-демографической напряженности) течения эпидемиологического перехода в русло общемировой логики развития процесса.

Интенсивный рост временной продолжительности «старости» начинает трансформировать качественное, социокультурное содержание этого отрезка жизни [10]. Анализ документов позволяет утверждать, что произошла кардинальная модернизация системы брачно-семейных отношений. Поскольку супружеские отношения в годы нэпа уже не отличаются дооктябрьской стабильностью, женщины вынуждены активнее стремиться к финансовой и социальной независимости. Значительно расширились возможности получения образования (особенно это коснулось женщин). Происходит переоценка традиционных репродуктивных установок, статуса детей и подростков. Расширяется сфера социальных контактов ребенка, подростки все активнее участвуют в общественно-политической жизни. Именно в молодежи новая власть видела свою потенциальную опору. На советское воспитание подрастающего поколения делалась особая ставка.

По уровню развития демографического перехода (от традиционного к современному типу воспроизводства) славянские округа Северо-Кавказского края к концу первой четверти XX в. [11] практически догнали Центр России. Пониженной была интенсивность процесса в среде казачества, специфической категории преимущественно сельского населения. Особенно заметно отставание развития модернизации титульного населения национальных областей Северного Кавказа, где сезонность смертности (особенно младенческой) и брачности сохранился до конца 1930-х гг. Количественная компенсация потерь 1914–1922 гг. – достижение довоенной численности населения – в регионе в целом произошла к середине 1920-х гг. (но были и исключения: по нашим расчетам динамики численности населения Кубани, например, количественная компенсация полностью так и не произошла: в декабре 1926 г. численность населения – на 6 % меньше, чем в начале 1915 г. (с этого момента она начинала снижаться)) в результате краткосрочного повышения (по сравнению с показателями начала 1920-х гг., а не с дооктябрьским периодом, уровень которого в регионе и не был достигнут) рождаемости и снижения смертности (не только по сравнению с тяжелыми военными и первыми послевоенными годами, но и с довоенными показателями), которые, однако, не могли сгладить нарушений, происшедших в демографической структуре населения. Несмотря на активный миграционный приток, выравнивающий гендерную диспропорцию, сохранялась выраженная деформация соотношения полов. Мужская «половина» населения, непосредственно участвовавшая в военных действиях, пострадала несоизмеримо больше. Диспропорция полов (женский перевес), наиболее выраженная в призывных возрастных группах, совпадавших с репродуктивными, особенно ярко проявлялась на севере области Войска Донского – там, где проходила полоса самых затяжных и кровопролитных сражений в период Гражданской войны, и имевшем наиболее высокий процент казачьего населения [12].

Различные народности Северного Кавказа ощутили влияние кризисных факторов в неодинаковой степени. События 1914 г. – начала 1920-х гг. слабо отразились на гендерном строении кавказских этносов: соотношение полов у некоторых из них практически не изменилось. В структуре населения горских этносов (и среди городского населения, и среди сельского) в середине 1920-х гг. преобладали мужчины. Исторические события XX в. драматическим образом отразились на судьбе казачества – самой призывной части населения Российской империи. Сильно пострадали донские калмыки – многие из них, разделив судьбу Донского казачества, эмигрировали из России [13]. Вывод об интерактивном характере демографической модернизации в России, сделанный ведущими представителями (В.Б. Жиромской, А.Г. Вишневым, С. Захаровым) отечественной школы исторической демографии, разделяем сегодня многими исследователями: развитие перехода к экономному типу воспроизводства прерывалось под влиянием кризисных факторов. На Северном Кавказе их воздействие проявлялось в большей степени.

Ссылки:

1. Жиромская В.Б. Предисловие к первому тому // Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. М., 2000. Т. 1. С. 5.
2. Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. С. 139, 145, 163, 169, 171, 177, 209, 215.
3. Там же. С. 50.
4. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 31.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 года. С. 138–139, 162–163, 170–171, 208–109.
6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р. 1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 10, 12.
7. Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987. С. 171.
8. Смейле Ю.В. Население Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1988. С. 5.
9. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года СССР. М., 1962. С. 6.
10. Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. М., 1983. С. 36.
11. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. С. 22.
12. Основные итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Краснодарскому краю. Краснодар, 1990. С. 19.
13. 60 лет Краснодарскому краю (1937–1997). Краснодар, 1997. С. 12.

References:

1. Zhiromskaya, VB 2000, 'Preface to the first volume', *The population of Russia in the XX century. Historical Essays: 3 vols.*, Moscow, vol. 1, p. 5.
2. It is estimated by: *Census of 1926 1928*, Moscow, vol. 5, p. 139, 145, 163, 169, 171, 177, 209, 215.
3. It is estimated by: *Census of 1926 1928*, Moscow, vol. 5, p. 50.
4. Danilov, VP 1977, *Soviet pre-collective village: population, land use, agriculture*, Moscow, p. 31.
5. *Census of 1926 1928*, Moscow, vol. 5, p. 138-139, 162-163, 170-171, 208-109.
6. *State Archives of the Krasnodar Territory (GAKK)*, f. r-1246, op. 1, d. 6, l. 10, 12.
7. Shelestov, DK 1987, *Historical demography*, Moscow, p. 171.
8. Smeile, Y 1988, *The population of the North Caucasus*, Rostov-on-Don, p. 5.
9. *Results of the All-Union census in 1959 the USSR 1962*, Moscow, p. 6.
10. Kiseleva, GP & Kvasha, AY 1983, *What tells the census*, Moscow, p. 36.
11. *Results of the All-Union census in 1959 the USSR 1962*, Moscow, p. 22.
12. *The main results of the All-Union population census of 1989 in Krasnodar Krai 1990*, Krasnodar, p. 19.
13. *60 years Krasnodar Territory (1937-1997) 1997*, Krasnodar, p. 12.